АРМЯНЕ И ВОЙНА

Сентябрь 1916 г. № 7. Цѣна 25 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на первый и единственный по типу еженѣдѣльный иллюстрированный журналъ

АРМЯНЕ и ВОЙНА

посвященный вопросамъ армянской жизни, въ связи съ войной.

ЦѢЛЬ ЖУРНАЛА: широкое освѣдомленіе общества съ армянской дѣйствительностью.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. **СТАТЬИ** по разнымъ вопросамъ армянской жизни и роли армянъ въ современной войнѣ, по армянскому вопросу, объ армяно-турецкихъ отношеніяхъ и т. д.
2. **АРМЯНЕ-ДОБРОВОЛЬЦЫ.** Статьи объ армянскомъ добровольческомъ движеніи. Хроника изъ жизни армянскихъ добровольцевъ, о дѣятельности „Центральнаго армянскаго бюро". Письма и фотографіи отъ собственныхъ корреспондентовъ съ кавказскаго театра войны.
3. **АРМЯНЕ-БѢЖЕНЦЫ.** Статьи о армянской бѣженской проблемѣ. Хроника о положеніи бѣженцевъ-армянъ и ихъ нуждахъ. Помощь оказываемая имъ центральными организаціями на Кавказѣ.
4. **АРМЯНСКІЕ КОМИТЕТЫ.** Отчеты о дѣятельности армянскихъ комитетовъ всѣхъ городовъ Россіи, оказывающихъ помощь добровольцамъ и бѣженцамъ-армянамъ. **Армянскіе лазареты.** Иллюстраціи.
5. **ВОЕННЫЕ ОБЗОРЫ** кавказскаго фронта. Статьи и хроника. Эпизоды изъ военной жизни армянскихъ дружинъ. Фотографіи и зарисовки собственныхъ корреспондентовъ.
6. **АРМЯНЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ.** Статьи о заграничной армянской жизни. Хроника армянской жизни за границей. Отчеты о дѣятельности армянскихъ комитетовъ за-границей.
7. **ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ.** Русская, армянская и заграничная пресса о армянахъ. **Библіографія.**
8. **ГАЛЛЕРЕЯ ПОРТРЕТОВЪ** армянъ-героевъ и жертвъ войны, общественныхъ дѣятелей. **Иллюстраціи.**

Къ участію въ журналѣ приглашены извѣстные русскіе и армянскіе литераторы, журналисты и общественные дѣятели:

Л. Андреевъ, чл. Госуд. Думы Аджемовъ, А. Амфитеатровъ, С. С. Арутюновъ, [illegible] Агаевъ, проф. К. С. Агаджановъ, К. Бальмонтъ, В. Брюсовъ, И. Бунинъ, М. Берберьянъ, [illegible], М. Бероевъ, акад. А. Н. Веселовскій, Юрій Веселовскій, Х. А. Вермишевъ (Баку), [illegible], С. М. Галіевъ, [illegible] Горькій, проф. В. Грибовскій, Н. Н. Голобородько, Н. Горелевъ, [illegible], А. К. Дживелеговъ, [illegible], [illegible], [illegible], Максимъ Ковалевскій, В. Короленко, Маръ Кревицкій, проф. А. Е. Крымскій, [illegible] Каро [illegible], С. Г. Кара-Мурза, [illegible], [illegible], чл. Госуд. Думы П. Н. Милюковъ, М. Теръ-Микиртичевъ, проф. Маръ, Д. Мережковскій, [illegible], [illegible], [illegible] (Эривань), А. Муромъ, С. Г. Мамиконянъ (Москва), Маргаридисъ, Набуръ (Кавказскій фронтъ), акад. Д. Овсянико-Куликовскій, С. Огановскій, Н. П. [illegible], членъ Гос. Думы М. И. Пападжановъ, [illegible], Ю. Ф. Семеновъ, [illegible] Соборскій, [illegible] А. Симоновичъ, М. Д. Тавровъ, Маръ Тотъ (Москва), [illegible], [illegible], А. А. Улановъ, А. И. Хатисовъ, Г. Хатисовъ, І. Н. Хуцуцъ, С. Хачатуровъ (Эривань), [illegible], [illegible], Г. Х. Чалхушьянъ, Р. Г. Чалхушьянъ, Г. Чубаръ (Ростовъ), А. Чобаньянъ (Парижъ), Марготъ [illegible], С. Ф. Штернъ, Ш. Шварцъ, Г. Шервашидзе, А. Яблоновскій, С. В. Яблоновскій-Потресовъ, А. Федоровъ и др.

Завѣдующій редакціей ***С. М. Галіевъ.***

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	3 р. — к.	На 3 мѣсяца	— р. 75 к.
„ ½ года	1 р. 50 к.	Отдѣльный номеръ	— р. 25 к.

Подписную плату можно присылать марками. — Пробный номеръ высылается за 3 десятикопѣечныя марки.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІИ: Одесса, Польская ул. № 16. Телефоны 6-11 и 26-22.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

АРМЯНЕ и ВОЙНА

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМЪ АРМЯНСКОЙ ЖИЗНИ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОЙНОЙ.

1916 г. Сентябрь № 7.

СОДЕРЖАНIЕ:

Насущные вопросы.

Въ прошломъ номерѣ нашего журнала въ передовой статьѣ мы коснулись вопроса о точномъ установленiи человѣческихъ жертвъ, культурныхъ и матерiальныхъ потерь понесенныхъ армянами за время войны. Возвращаясь вновь къ этому вопросу, необходимымъ является также и вопросъ объ организацiи изслѣдованiя подробностей происходящей во время переживаемой войны армянской рѣзни и положенiя турецкихъ армянъ послѣ рѣзни.

Только послѣ такого изслѣдованiя окончательно выяснится разница въ положенiи армянъ до и послѣ войны, а также и размѣры жертвъ понесенныхъ ими во время этой войны.

Это будетъ лучшимъ отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя или преувеличиваютъ или пренебрежительно преуменьшаютъ значенiе безпримѣрной трагедiи армянства.

Этотъ трудный и отвѣтственный трудъ будетъ имѣть историческую цѣнность только въ томъ случаѣ, когда на каждый вопросъ будетъ данъ отвѣтъ, подкрѣпленный фактическими, достовѣрными данными и документами. Мало того, здѣсь рѣшительно не должно быть мѣста личнымъ партiйнымъ и групповымъ страстямъ и оцѣнкамъ.

Несомнѣнно, много мѣста должно быть удѣлено фотографическимъ снимкамъ, иллюстрирующимъ реальные факты турецкихъ звѣрствъ и слѣды разрушенiй, произведенныхъ турками.

Надо добыть такiе документы, которые имѣютъ официальный характеръ и освѣщаютъ ту или другую сторону интересующаго насъ вопроса. Такъ, напр., телеграммы, письма, распоряженiя, записи и объявленiя правительственныхъ или нацiональныхъ властей, всякаго рода рукописи или ихъ копiи, исходящiя отъ официальныхъ лицъ. Не менѣе цѣнны и тѣ нумера турецкихъ газетъ, въ которыхъ напечатаны правительственныя распоряженiя и объясненiя къ нимъ.

Для насъ чрезвычайно важны также и свидѣтельства иностранцевъ. Есть письма, дневники и доклады, написанные консулами, миссiонерами и частными лицами; есть также многочисленныя свидѣтельства курдовъ и турокъ. Всѣ эти матерiалы по воз-

можности надо собрать для ознакомленія съ нѣ[illegible] нія и настроеніями иностранцевъ и даже нашихъ враговъ.

Обильный матеріалъ можно найти и у армянъ-[illegible]. Надо записать обстоятельные разсказы несчастныхъ жертвъ турецкихъ гоненій съ точными данными о личности разсказчиковъ, о времени и мѣстѣ событій, очевидцами которыхъ они были; надо записать имена и число жертвъ и ихъ палачей.

[illegible] этого цѣннаго матеріала. Мы не сомнѣваемся, что комиссія, взявшаяся за это дѣло, найдетъ самую широкую поддержку во всѣхъ общественныхъ кругахъ...

С. Г.

Протянемъ руку...

Среди тысячъ обидъ и ударовъ судьбы, преслѣдующихъ армянскій народъ съ самаго начала войны до сегодняшняго дня, есть одна обида кричащая и требующая немедленнаго удовлетворенія.

Мы безсильны вернуть къ жизни нѣсколько сотенъ тысячъ вырѣзаннаго населенія!

Мы безсильны вернуть на родныя пепелища нѣсколько сотенъ тысячъ народу, истекающаго нынѣ кровью въ далекихъ и безлюдныхъ степяхъ глухихъ медвѣжьихъ угловъ Аравіи!

Мы безсильны возстановить разрушенныя и сравненныя съ землею цвѣтущія когда то селенія пахарей армянъ.

Все это такъ! Все это такъ!!

Тысячи молодыхъ жизней, тысячи молодыхъ армянъ-солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ, въ далекихъ и негостепріимныхъ углахъ Сибири или на какомъ-то островѣ недалеко отъ Баку, страдаютъ отъ многихъ лишеній?

Въ селѣ Спасскомъ, въ Никольско-Уссурійскѣ, Хабаровскѣ,—вы вездѣ найдете блѣдныхъ, худыхъ, какъ скелеты, армянъ, сестры которыхъ обезчещены, уведены въ плѣнъ!

Развѣ мы не должны дать имъ свободу, какъ дали славянамъ, итальянцамъ и дать имъ возможность вернуться въ покоренныя теперь земли и предаться мирнымъ занятіямъ? Чѣмъ эти армяне хуже славянъ и итальянцевъ?

Вѣдь многіе изъ ихъ братьевъ среди армянъ добровольцевъ несутъ службу нашему Государству, проливаютъ за него кровь.

Кто долженъ о нихъ заботиться? Кто долженъ поднять за нихъ голосъ?

Не можетъ быть сомнѣнія, что такой голосъ будетъ услышанъ и томящимся въ плѣну молодымъ людямъ которые перенесли такъ много, вернутъ свободу!..

Много у насъ обидъ и ударовъ судьбы, частью поправимыхъ, частью не поправимыхъ.

Но эта обида—кричащая, требующая немедленнаго удовлетворенія!

Гр. Чалхушьянъ.

Третій разгромъ турецкой арміи.

Турецкая армія на нашемъ фронтѣ была разгромлена трижды. Первый ударъ противнику нанесенъ былъ еще въ декабрѣ 1914 года, когда турки наступали на насъ широкимъ фронтомъ и ставили себѣ цѣлью овладѣніе Тифлисомъ. Пораженіе непріятеля подъ Сарыкамышемъ подорвало наступательную энергію третьей турецкой арміи, послѣ чего она надолго погрузилась въ состояніе полной пассивности. За весь 1915-ый годъ на закавказскомъ нашемъ фронтѣ не было ни одного крупнаго событія.

Съ наступленіемъ 1916-го года обстановка въ турецкой Арменіи рѣзко измѣнилась. При полномъ затишьи, царившемъ тогда на главныхъ фронтахъ, при томительно однообразной позиціонной войнѣ и въ Франціи, и на восточномъ фронтѣ—въ Арменіи опредѣлилось наше рѣшительное наступленіе. Оно было начато при благопріятныхъ условіяхъ, ибо вниманіе турокъ въ ту пору отвлечено было въ значительной степени еще не совсѣмъ закончившимися событіями на Балканскомъ полуостровѣ. Турки имѣли тогда противъ насъ только 9 дивизій.

Первые же наши энергичные удары проучили турецкую армію и заставили ее отпрянуть подъ защиту Эрзерумскихъ фортовъ. Но и Эрзерумъ продержался не долго. 3-го февраля въ результатѣ открытаго штурма этотъ оплотъ турецкаго владычества въ Арменіи перешелъ въ наши руки. Противникъ былъ разгромленъ во второй разъ, при чемъ не мало жестокихъ ударовъ въ полосу этого нашего наступленія нанесено было армянскими добровольческими дружинами, уже сформировавшимися къ тому времени и принявшими горячее участіе въ нашей рѣшительной борьбѣ съ непріятелемъ.

За Эрзерумъ войска наша продвинулись относительно не много, всего на нѣсколько десятковъ верстъ.

Обстоятельство это внушало туркамъ розовыя надежды: они надѣялись на то, что весною и лѣтомъ, когда разгорятся рѣшительныя событія въ Европѣ, и когда мы, слѣдовательно, заняты будемъ вопросами, имѣющими для насъ первостепенное стратегическое значеніе—имъ удастся продвинуться впередъ и выбить насъ изъ Эрзерума. Эти ожиданія турокъ основывались также и на томъ, что имъ удалось, со одной стороны, сформировать много новыхъ крупныхъ боевыхъ единицъ и, съ другой, до извѣстной степени освободиться отъ страховъ за Константинополь, бывшихъ столь сильными въ періодъ Дарданельской операціи.

Возрастаніе турецкихъ силъ, дѣйствительно, представлялось весьма серьезнымъ. Турки начали войну имѣя готовыми 43 дивизіи. Благодаря ряду мобилизацій, захватившихъ глубокіе слои мужского населенія Турціи, противнику нашему удалось не только поддержать на должной высотѣ штатную численность уже имѣвшихся у него 43 дивизій, но сформировать еще и новыхъ 18 дивизій. Турецкая армія возросла, такимъ образомъ, въ своей численности почти на цѣлую треть.

Придавая первостепенное значеніе событіямъ на армянскомъ своемъ фронтѣ, турки весь приростъ ихъ живой силы бросили именно сюда. Чтобы повысить качество войскъ, посылаемыхъ для борьбы за Эрзерумъ, турки отправили большую часть ихъ новосформированныхъ дивизій въ Европу, а уже испытанные въ бояхъ корпуса, защищавшіе Галлипольскій полуостровъ, спѣшно отосланы были ими на нашъ фронтъ. Въ частности, прибыла въ Арменію и турецкая гвардія. Въ половинѣ мая противъ насъ были на турецкомъ фронтѣ уже не 9 а 17 дивизій, причемъ притокъ турецкихъ подкрѣпленій не остановился на этомъ, и свѣжія турецкія войска все продолжали прибывать. Въ это именно время турки и рѣшили начать противъ насъ общее наступленіе по всему армянскому фронту.

Первые удары противникъ попытался нанести намъ на самомъ главномъ, центральномъ направленіи, ставя себѣ цѣлью съ самого же начала своего наступленія вырвать изъ нашихъ рукъ Эрзерумъ. 3-го мая турки бѣшено насъ атаковали подъ Ашкалою, т. е. въ 45-ти верстахъ къ западу отъ Эрзерума. 16-го мая они, дѣйствуя значительно превосходными силами, принудили насъ оставить Мамахатунъ, лежащій въ 70-ти верстахъ къ юго-западу отъ Эрзерума. Съ турецкой точки зрѣнія наступленіе началось блестяще и какъ будто сулило противнику новые успѣхи въ ближайшемъ же будущемъ.

Однако, въ дѣйствительности наступленіе турокъ вовсе не получило развитія. Всю вторую половину мая и весь іюнь турки простояли на одномъ и томъ же мѣстѣ, а съ первыхъ же чиселъ іюля иниціатива въ операціяхъ снова перешла въ наши руки, и мы снова начали энергичное наступленіе въ самой важной части фронта—на протяженіи отъ Черного моря до Муша. Это наше наступленіе привело къ третьему и снова рѣшительному разгрому турецкой военной силы.

4-го іюля войска наши взяли Байбуртъ—крупный армянскій центръ, лежащій на шоссе, соединяющемъ Трапезундъ съ Эрзерумомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого пала Гюмишъ-Хана, и мы овладѣли ея золотыми и серебряными рудниками, а 13-го іюля мы ворвались въ Эрзинджанъ. Войска наши шли впередъ широкимъ фронтомъ, вслѣдствіе чего къ намъ перешли большія пространства земли, лежащія и къ востоку, и къ западу отъ плодородной Эрзинджанской долины. Такимъ образомъ, къ концу іюля завоеваніе всей Арменіи было закончено.

Съ политической точки зрѣнія достиженія Эрзинджана—предѣльной точки турецкой Арменіи—представлялось фактомъ исключительной важности. Не менѣе существенной была и чисто военная сторона нашихъ успѣховъ, ибо отъ моря до Эрзинджана сосредоточено было 70 процентовъ всѣхъ турецкихъ силъ, оперирующихъ противъ насъ. Многомѣсячныя усилія турецкаго командованія, направленные на то, чтобы выбить насъ изъ Эрзерума, не только не привели противника къ цѣли, но даже не дали ему возможности удержать въ своихъ рукахъ Эрзинджанъ. Весь смыслъ турецкаго плана состоялъ въ томъ, чтобы отбросить насъ къ нашей границѣ, на линію Саракамыша—Ольтъ—Батума. Въ дѣйствительности же, мы еще продвинулись впередъ отъ Эрзерума на 150 верстъ и въ общемъ углубились въ Турцію на 250 верстъ отъ нашей границы. Вся Арменія вырвана сейчасъ нами изъ рукъ

Шададская армянка ХАНИКЪ-ХАНУМЪ, лично отбившая похищеннаго курдами сына.

противника, который причинилъ столько страданій и горя этой истерзанной странѣ.

Уже послѣ того, какъ опредѣлился рѣшающій характеръ нашихъ успѣховъ, турки предприняли запоздалый контръ-маневръ къ востоку отъ Эрзинджанскаго направленія, на дорогахъ къ Мушу и Битлису. Это движеніе противника привело было къ тому, что войска наши ушли изъ обоихъ этихъ городовъ.

Однако, не прошло и двухъ недѣль со дня начала наступленія Мустафы-Кіамиля Паши на Мушъ-Битлисскомъ направленіи и особаго корпуса турецкихъ войскъ на Ревандузскомъ направленіи, какъ генералъ Юденичъ закончилъ перегруппировку своихъ силъ и въ одинъ пріемъ выбилъ турокъ изъ Муша и разгромилъ турецкую дивизію подъ Ревандузомъ.

Третій разгромъ турокъ, имѣвшій мѣсто въ пору Эрзинджанскихъ боевъ и произведенный, какъ и второй, при непосредственномъ содѣйствіи армянскихъ добровольческихъ дружинъ, цѣненъ въ томъ отношеніи, что онъ пережитъ былъ уже значительно обновленной и подкрѣпленной турецкой арміей. Теперь, когда Турція приближается къ концу второго года войны, она уже не въ силахъ будетъ произвести новыхъ крупныхъ формированій. Силы турокъ подорваны и настолько основательно, что возрожденія турецкой арміи ждать не приходится. Отдѣльныя вспышки наступательной энергіи противника еще возможны, но предпринять противъ насъ серьезное движеніе турки уже не въ силахъ. Арменія завоевана нами прочно, и освобожденіе этой страны, совершенное нами manu militari ждетъ сейчасъ только своей политической санкціи.

Маргородецъ.

Вазрикъ.

(Посвящается Думану).

А. Агароняна.

(Переводъ съ армянскаго).

Страшный, неравный бой шелъ въ Ванѣ.

Я былъ вынужденъ разстаться съ Вазгеномъ *). Онъ со своей дружиной остался въ предмѣстьѣ Арарощъ, а я съ нѣсколькими дружинниками перебрался въ Айгестанъ **).

Нужно было во время замести наши слѣды. Прошло нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ мы укрылись въ маленк. домикѣ, затерянномъ въ глубинѣ обширнаго сада. Стояла поздная холодная осень. Посрединѣ комнаты надъ „тондиромъ" стоялъ, покрытый толстымъ паласомъ, „курси" ***). Такъ пріятно было грѣться у него. Передъ „курси", сгорбившись, сидѣлъ почти 80-лѣтн. старикъ, съ длинной волнами ниспадающей ему на грудь, бородой. Изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей глаза его смотрѣли тускло и безжизненно. Свѣсивъ голову на грудь, онъ однообразно и безъ конца перебиралъ черныя четки. Подлѣ старика пріютился мальчикъ лѣтъ 6—7-ми болѣзненный и блѣдный и ласкалъ маленькаго, пушистаго кота, гладя его мягкую шерсть. Грѣясь на тепломъ и мягкомъ „курси", котъ блаженно мурлыкалъ.

Нашей хозяйкой была молодая вдова одного изъ нашихъ старыхъ товарищей, недавно павшаго въ послѣдней стычкѣ. Тайну эту мы скрыли отъ старика, но молодая жена знала объ этомъ. Разбитая и печальная, она все же съ утра до вечера была на ногахъ, заботливо ухаживая за нами и присматривая за своимъ маленькимъ хозяйствомъ.

На дворѣ было холодно.

Послѣ ясныхъ, морозныхъ ночей листья съ деревьевъ опали и желтымъ саваномъ покрыли землю. На голыхъ вѣтвяхъ попадались кое-гдѣ еще уцѣлѣвшіе, одинокіе листья. Они жалобно качались подъ холоднымъ вѣтромъ, срывались и, тихо кружась, падали на мертвую землю, чтобы не подняться уже вновь.

Что-то безнадежное и унылое было въ этихъ голыхъ и плачущихъ деревьяхъ, въ этихъ блѣдныхъ листьяхъ, въ ихъ предсмертномъ, жалобномъ шелестѣ. Словно они всѣ въ объятіяхъ сѣрой земли тихимъ, еле слышнымъ шопотомъ оплакивали свою смерть. Та же смерть, словно шипящій змѣй, ползала по улицамъ и жалила всѣхъ, кого могла.

Шальныя пули свистѣли изъ того-другого угла, изъ-за деревьевъ, изъ-подъ стѣнъ, свистѣли и косили жизни.

Шелъ бой, перебрасываясь съ улицы на улицу, изъ дома въ домъ.

И каждый разъ, при звукахъ выстрѣловъ, старикъ оставлялъ четки, подымалъ свою сѣдую голову, устремлялъ взглядъ своихъ вѣчно влажныхъ и тусклыхъ очей къ небу и шепталъ:

*) Одинъ изъ вождей армянскихъ дружинъ въ Турціи. Убитъ въ одномъ изъ столкновеній съ турками.

**) Айгестанъ и Арарощъ кварталы въ Ванѣ.

***) „Курси" квадратная тахта, ставится надъ тондиромъ (печью, устроенной въ землѣ) и покрывается ковромъ или паласомъ для удержанія теплоты.

— Да будетъ воля Твоя, Господи... Мальчикъ взоры на Тебя, о, Господи, уповаю, не оставь насъ... каюсь, каюсь...

Вмѣстѣ съ выстрѣлами доносился пострашнѣйшій и зловѣщій вой собакъ. И каждый разъ мать съ сыномъ молча переглядывались. На улицахъ движеніе прекратилось совсѣмъ. Появленіе мужчины было равносильно государственному преступленію. Развѣ только какая-нибудь отважная женщина рѣшалась выйти на улицу. Сообщала намъ вѣсти о нашихъ товарищахъ также женщина, но и та, къ несчастью, не показывалась уже два дня. Я не зналъ, гдѣ Ваагенъ, что онъ дѣлаетъ, въ городѣ ли онъ или отступилъ. Я не былъ въ состояніи рѣшиться на что-нибудь.

Безпокойство, словно ядовитый змѣй, грызло мнѣ душу, и я не въ силахъ былъ оторвать взглядъ свой отъ дверей. Прошелъ еще день. Уже вечерѣло, и все еще никто не показывался. Я думалъ ночью пробраться во что бы то ни стало.

Въ пріютѣ главнаго комитета „Братская помощь".

Положеніе становилось невыносимымъ.

Мои мысли прервалъ скрипъ двери. На порогѣ показался мальчикъ лѣтъ 9-ти.

— Ваарикъ, Ваарикъ!—воскликнулъ сидѣвшій у „курси" ребенокъ, выпустилъ кота и застылъ. Ставрикъ не поднялъ головы.

— Это ты, Ваарикъ? сказала молодая женщина равнодушно,—поди погрѣйся, сынокъ.

Я былъ недоволенъ.

Я ждалъ вѣстей и вдругъ явился этотъ мальчуганъ. Я невольно бросилъ на него недовольный взглядъ. Вошедшему это было ни по чемъ. Онъ на минуту остановился на порогѣ, внимательно оглядѣлъ насъ, а затѣмъ увѣренными шагами двинулся впередъ и занялъ мѣсто у „курси".

Я сталъ думать объ этомъ мальчикѣ. Между нимъ и нами было какое-то сходство—та же безпокойная жизнь, богатая приключеніями и полная борьбы, только въ дѣтскихъ размѣрахъ.

Кто не зналъ Ваарика?

Онъ былъ извѣстенъ всему Айгестану.

Впалыя щеки и толстыя губы, которыя онъ сжималъ, когда бывалъ сильно разгнѣванъ или когда затѣвалъ какую-либо шалость. Нависшія брови надъ черными глазами дѣлали взглядъ его хитрымъ и злымъ. Казалось, будто Ваарикъ всегда таитъ злобу противъ кого-то. Онъ ежеминутно отбиралъ свою верхнюю губу рукавомъ или шумно тянулъ носомъ кверху.

Я очень часто видѣлъ его на улицахъ Айгестана: въ изодранномъ платьѣ, съ непокрытой головой, нерѣдко босой, съ исцарапаннымъ лицомъ, онъ всегда впопыхахъ носился по улицамъ. Въ такихъ случаяхъ всегда можно было съ увѣренностью сказать, что Ваарикъ или спасается отъ преслѣдованія старшихъ, или же самъ преслѣдуетъ кого-то.

Онъ былъ въ постоянной борьбѣ: дракамъ и стычкамъ его не было конца.

И всегда зачинщикомъ всѣхъ этихъ дракъ, преслѣдованій бывалъ самъ онъ — Ваарикъ. Онъ превосходилъ всѣхъ въ искусствѣ мѣткимъ ударомъ сбивать яблоки съ деревьевъ.

И каждый брошенный имъ камень рождалъ какую-нибудь драку, побои, преслѣдованія. Вотъ почему Ваарикъ принужденъ былъ постоянно бѣжать—или чтобы спасаться или чтобы отомстить за нанесенную ему обиду. Безчисленное множество разъ онъ былъ битъ и столько же разъ билъ самъ. На его лицѣ не было цѣлаго мѣста, губы и брови были изодраны и покрыты рубцами, а Ваарикъ продолжалъ свою полную тревогъ и волненій жизнь и былъ доволенъ.

Если за какую нибудь шалость его обижалъ кто нибудь изъ старшихъ, то Ваарикъ вымещалъ свою злобу на младшихъ братѣ или сынѣ, своего врага.

Онъ не умѣлъ прощать.

Днями и недѣлями онъ выжидалъ, пока настигалъ кого-нибудь изъ этихъ малышей—останавливалъ ихъ на улицѣ и отплачивалъ имъ ровно столько, сколько получилъ самъ пощечину или ударъ кулакомъ ни больше, ни меньше. Въ мщеніи [illegible] его ненару-

[illegible] правиломъ. Наносилъ ударъ и съ первымъ же крикомъ жертвы стрѣлой бросался прочь. Ваэрикъ бѣгалъ, какъ серна, и его всегда можно было видѣть бѣгущимъ.

И никто лучше него не зналъ всѣхъ закоулковъ Айгестана, всѣхъ уголковъ, гдѣ можно укрыться, всѣ низкія мѣста стѣнъ и частоколовъ, откуда можно пролѣзть въ огороды, не рискуя сломать себѣ ногу или руку. Особенно хорошо зналъ онъ глухія, извилистыя и темныя тропинки, которыми можно было бѣжать, не будучи замѣченнымъ. Онъ зналъ мосты, подъ которыми въ случаѣ нужды можно было укрыться цѣлыми днями.

Это былъ гаменъ Вана.

Вотъ каковъ былъ мальчикъ, который ворвался къ намъ. Я былъ увѣренъ, что, несмотря на адское положеніе города, онъ все-таки улучилъ минутку избить кого-нибудь и укрылся у насъ, пока стемнѣетъ.

Куда только онъ не входилъ!..

— Ваэрикъ, кого ты побилъ опять?—улыбаясь, спросилъ я его.

Вмѣсто отвѣта онъ посмотрѣлъ на меня сурово и потянулъ носомъ, громко сопя.

Я оставилъ его, отдался своимъ тяжелымъ думамъ и уже больше не смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ стучали четки старика и двое ребятишекъ со звонкимъ смѣхомъ возились другъ съ другомъ.

Съ улицы по временамъ доносились звуки выстрѣловъ. Старикъ каждый разъ повторялъ свой псаломъ, собаки выли зловѣщимъ, наводящимъ тоску, воемъ. Дѣти продолжали играть, забывъ, повидимому, весь ужасъ окружающаго. Я смотрѣлъ на нихъ и думалъ про себя „счастливое дѣтство". Во время игры случайно рука хозяйскаго мальчика со всей силой ударилась въ грудь Ваэрика.

— Не тронь! не тронь! — вскричалъ Ваэрикъ въ бѣшенствѣ.

Меня поразилъ его крикъ. Въ немъ слышались глубокое возмущеніе и угроза. Испуганный мальчикъ отдернулъ руку, словно ужаленный, съежился, присмирѣлъ, между тѣмъ, какъ Ваэрикъ, сжавъ губы, смотрѣлъ на него злымъ, безжалостнымъ взглядомъ. Казалось, у Ваэрика на груди была свѣжая рана, къ которой товарищъ нечаянно прикоснулся, причинивъ ему нестерпимую боль.

Въ это же время котъ снова прыгнулъ на „курси". Дѣти одновременно протянули руки къ мягкой шерсти животнаго и стали теребить его. Коту это не понравилось, онъ взвизгнулъ и убѣжалъ. Дѣти громко разсмѣялись и забыли непріятный инцидентъ. Игра возобновилась, они снова начали возню и вдругъ опять раздался голосъ Ваэрика:

— Не тронь, не тронь, говорятъ тебѣ.

Я поднялъ голову и посмотрѣлъ на нихъ. Ваэрикъ былъ страшенъ. Скрежеща зубами онъ въ бѣшенствѣ сжималъ кулаки, глаза его выражали дикую злобу и ненависть. Ошеломленный и растерявшійся отъ страха мальчикъ счелъ благоразумнымъ убраться на другой конецъ „курси". Даже въ нашемъ присутствіи онъ боялся Ваэрика.

Игра дѣтей не возобновлялась уже больше. Опустивъ головы, они исподлобья переглядывались и молчали. На этотъ разъ котъ смѣло прыгнулъ на „курси", удобно расположился и сладко замурлыкалъ. Старикъ давно уже дремалъ на своемъ мѣстѣ. Четокъ его не было слышно. Хозяйка, опустивъ голову, штопала какое-то старье, по временамъ повторяя: „тише, ребята". Я замѣтилъ, что Ваэрикъ нѣсколько разъ посмотрѣлъ въ окно. Повидимому, его что-то безпокоило. Наступилъ вечеръ. Протянулись первыя тѣни. Хозяйка оставила шитье и пошла зажигать свѣтъ. Мальчикъ послѣдовалъ за матерью, чтобы хоть на нѣсколько минутъ скрыться съ глазъ Ваэрика.

Въ то же мгновеніе Ваэрикъ оглянулся кругомъ, посмотрѣлъ на дремлющаго старика, поспѣшно вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ ко мнѣ, сталъ на колѣни передо мной и, подставляя грудь, зашепталъ:

— Разстегни, здѣсь кое что есть. Я понялъ. Взволнованный и въ восхищеніи отъ этого маленькаго героя, я дрожащими руками отстегнулъ его пуговицы и досталъ спрятанныя на его груди письма, „Дрошакъ" и другія важныя бумаги.

— Ваагенъ далъ,—снова прошепталъ онъ, вперивъ въ меня свой острый взглядъ.

Ваэрикъ—бродяга, авантюристъ Ваэрикъ оказался гонцомъ Ваагена.

Чудный мальчикъ.

Глаза мои наполнились слезами волненія, я обнялъ его маленькую безпокойную голову, прижалъ къ своей груди и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ.

Такъ вотъ для чего этотъ живой безпокойный мальчикъ заставилъ себя цѣлыми часами просидѣть около „курси", вопреки своему обыкновенію взялся играть съ больнымъ слабымъ ребенкомъ, вотъ почему онъ приходилъ въ бѣшенство каждый разъ, когда товарищъ нечаянно притрагивался къ его груди, на которой онъ хранилъ самую сокровенную изъ всѣхъ мукъ — спасительную и святую тайну освободительной борьбы.

Ему было поручено передать бумаги мнѣ въ тотъ моментъ, когда дома никто не будетъ, кромѣ меня и товарищей. И онъ терпѣливо ждалъ этого момента.

Вошла хозяйка.

— Ты уходишь, Ваэрикъ?

О да, конечно, онъ уходитъ. Онъ былъ уже на порогѣ. Не отвѣтилъ даже, распахнулъ дверь, выскочилъ и исчезъ во мракѣ ночи.

А тамъ, на дворѣ, было холодно, мрачно и страшно. Выстрѣлы участились. Собаки завыли еще протяжнѣе и еще громче. Старикъ внезапно проснулся и перекрестился.

Ваникъ упалъ... храбрый, чудный мальчикъ, который ничего не боялся.

Ваагенъ писалъ мнѣ, чтобы я не трогался съ мѣста и ждалъ его дальнѣйшихъ писемъ. И послѣ этого письма правильно доставлялись черезъ Ваарика. Маленькій посланецъ ежедневно въ тѣ же часы входилъ къ намъ старательно застегнутый на всѣ пуговицы, всегда осторожный и серьезный. Хотя мы ничего не скрывали отъ домашнихъ, однако Ваарикъ до конца продолжалъ упорствовать въ своей крайней осторожности и въ ихъ присутствіи не соглашался растегивать свою грудь. Чтобы удовлетворить этотъ его милый капризъ, хозяйка по моей просьбѣ каждый разъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ выходила изъ комнаты со своимъ ребенкомъ, какъ только появлялся Ваарикъ. Старикъ плохо видѣлъ, это прекрасно зналъ Ваарикъ и не стѣснялся его. Чувствуя себя въ безопастности, онъ быстро подбѣгалъ ко мнѣ, становился на колѣни предо мной и шопотомъ произносилъ свою обычную фразу, указывая на грудь.

— Растегни, здѣсь кое что есть!

Я доставалъ бумаги и онъ снова исчезалъ, унося обратно на своей груди мои письма къ Ваагену.

И вотъ, какъ-то разъ онъ запоздалъ больше обыкновеннаго. Стемнѣло, въ комнатѣ зажгли свѣтъ, а Ваарика все еще не было. Царило тревожное молчаніе. Мы такъ привыкли видѣть его въ опредѣленные часы. Комната своими мрачными тѣнями давила насъ въ этотъ вечеръ. Въ тишинѣ непріятно стучали четки старика и обычное мурлыканье бѣднаго кота. Сердце мое полно было мрачной печалью и я сталъ безпрестанно шагать изъ угла въ уголъ. Никогда еще мракъ ночи не казался мнѣ столь страшнымъ и гнетущимъ. Что-то темное и страшное, соединившись съ густымъ мракомъ, медленнымъ чудовищнымъ кольцомъ сжимало насъ, угрожая раздавить, уничтожить насъ.

Душа моя изнывала отъ смутныхъ и мрачныхъ подозрѣній.

Вдругъ раздался сильный выстрѣлъ какъ разъ на нашей улицѣ. Мы всѣ вскочили съ мѣстъ, схватили ружья, прислушиваясь къ звукамъ извнѣ. И въ тотъ же мигъ дверь съ шумомъ распахнулась и ворвался Ваарикъ блѣдный, съ широко раскрытыми глазами, съ сжатыми губами, точно желая заглушить крикъ. Не обращая вниманія на окружающихъ и забывъ обычную осторожность свою, онъ направился прямо ко мнѣ, упалъ на колѣни и слабѣющимъ, прерывающимся голосомъ прошепталъ:

— Растегни... здѣсь... кое-что есть. Не успѣлъ я протянуть руку къ его груди, какъ онъ не въ силахъ остаться на колѣняхъ, откинулся на спину съ закрытыми глазами и съ блѣднымъ, какъ у мертвеца, лицомъ. Я поспѣшилъ растегнуть его одежду.

— Не тронь... не тронь, не...—шептали его губы.

Грудь Ваарика на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ болѣла, въ ней засѣла злая пуля. Я осторожно снялъ съ его груди прострѣленныя и окровавленныя бумаги и подъ ними раскрылась широкая рана, изъ которой сочилась кровь. Еще нѣсколько слабыхъ конвульсій, легкій храпъ и онъ навсегда умолкъ этотъ чудный мальчикъ. Ваарикъ испустилъ духъ.

Старикъ понялъ, поднялся съ мѣста, но упалъ и на колѣняхъ подползъ къ маленькому мученику, одной рукой закрылъ ему глаза а другой ощупалъ, нашелъ рану и крикнувъ зарыдалъ убійственными, старческими слезами. Хозяйка въ ужасѣ обняла своего сына, словно защищая его отъ невидимой опасности и также зарыдала. Мы принесли два ружья, скрестили на груди мученика и, обнаживъ головы, опустились на колѣни передъ дорогимъ трупомъ. Слабо мерцало пламя свѣтильника, наши тѣни колыхались вокругъ мертвеца подобно духамъ и мы совершали великое бдѣніе.

Вдругъ старикъ поднялся на ноги во весь ростъ, словно, чтобы стать ближе къ небу, простеръ кверху свои окровавленныя руки и дрожащимъ голосомъ воскликнулъ:

— Господи, Господи, прими какъ кровь Сына Своего... Искупительную кровь... Взгляни, какъ она чиста, какъ она красна... Наши рыданія заглушили голосъ старика. Онъ снова упалъ на колѣни передъ трупомъ.

Въ то же мгновенье затрещали выстрѣлы. Мы были окружены.

Схвативъ ружья, мы бросились во мракъ ночи.

За непорочную кровь всѣхъ Ваариковъ нужно было сразиться.

И бой начался...

А. Агаронянъ.

„Бѣлая книга“ о черныхъ дѣлахъ.

I.

Первая невинная жертва кроваваго смерча войны, Бельгія, была грознымъ намекомъ на то, какой характеръ рѣшили придать нынѣшней войнѣ „культурные“ варвары.

Свободная страна, страна мирнаго прогресса вдругъ сдѣлалась добычею озвѣрѣлыхъ солдатъ того государства, которое привыкли считать однимъ изъ очаговъ европейской культуры.

Преданные огню города Бельгіи, уничтоженныя произведенія искусства, сожженныя библіотеки, трупы безпощадно разстрѣлянныхъ женщинъ и дѣтей, все это заставило содрогнуться культурное человѣчество отъ ужаса и отвращенія.

И когда стало извѣстнымъ, что между Германіей и Турціей заключенъ тайный союзъ и что послѣдняя лишь ждетъ благопріятнаго момента для вмѣшательства въ войну,— сознаніе всякаго, кто хоть слегка былъ знакомъ съ положеніемъ армянскаго народа въ Турціи, прорѣзала тревожная мысль о судьбѣ Арменіи.

Уроки прошлаго не позволяли ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что теоріи профессоровъ и генераловъ кайзера о превосходствѣ силы надъ правомъ и о правѣ сильнаго на всякое насиліе должны будутъ стать высшей санкцией всего того, что предпримутъ не „культурные“ варвары, а просто варвары по отношенію къ армянскому народу и что поведеніе солдатъ кайзера послужитъ поощряющимъ примѣромъ для солдатъ султана.

До европейской войны хотя турецкое правительство и устраивало періодически массовыя избіенія, армянъ, но все же вмѣшательство другихъ государствъ способствовало прекращенію открытаго истребленія христіанъ подданныхъ Турціи.

По прочно установившейся исторической традиціи, государства, входящія теперь въ составъ соглашенія, всегда подымали въ такихъ случаяхъ голосъ въ защиту христіанскихъ народовъ, находящихся подъ игомъ того дикаго сброда, который, въ сущности, нельзя назвать государствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Но со вмѣшательствомъ Турціи въ войну, Европа, раздѣленная на два враждебныхъ лагеря, не могла внушить никакой надежды на то, что ножъ, который занесенъ надъ армянскимъ народомъ будетъ выбитъ изъ рукъ палача прежде, чѣмъ онъ поразитъ намѣченную жертву.

Конечно, оставались еще нейтральныя страны, дипломатическіе представители которыхъ могли воочію убѣдиться въ наличности кровавой расправы турокъ надъ армянами и протестовать во имя простой человѣчности.

Такого рода протесты, какъ извѣстно, заявлялись не разъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ.

Но какіе результаты могли возымѣть протесты, не подкрѣпленные никакими реальными средствами въ то время, когда турецкое правительство, вдохновляемое дѣлами германцевъ въ Бельгіи, сильное ихъ моральной и матеріальной поддержкой, твердо вѣрило въ установленіе надъ Европой гегемоніи кроваваго кайзера!

Но теперь, судя по многимъ признакамъ, эта вѣра дала большую трещину въ сознаніи Энвера и Талаата, которые рѣшились, наконецъ, открыто сказать „правду объ армянскомъ революціонномъ движеніи и мѣрахъ правительства“.

Вышедшая недавно въ свѣтъ брошюра турецкаго правительства названа въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати „Бѣлой книгой“.

Эта „Бѣлая книга“ о черныхъ дѣлахъ турокъ представляетъ во многихъ отношеніяхъ большой интересъ.

Прежде всего, разумѣется, привлекаютъ вниманіе взгляды авторовъ на положеніе армянъ въ Турціи при старомъ режимѣ, на поведеніе ихъ въ нынѣшнюю войну, и изложеніе „мѣръ правительства“ съ признаніемъ, въ первый разъ, фактовъ насилій и злоупотребленій по отношенію къ армянамъ со стороны турецкихъ военныхъ и гражданскихъ властей при примѣненіи этихъ мѣръ.

Такого рода признаніе, съ упоминаніемъ также объ агентахъ власти, привлеченныхъ или преданныхъ суду, не имѣло раньше мѣста въ офиціальныхъ заявленіяхъ турецкаго правитильства, которое ограничивалось лишь голымъ отрицаніемъ фактовъ злоупотребленій и насилій надъ армянами.

Это, такъ сказать, одна сторона армянскаго вопроса, затронутаго въ „Бѣлой книгѣ“.

Другая сторона, не менѣе важная, заключается въ утвержденіи младотурокъ, что армянскій народъ, или по ихъ терминологіи „армянскій элементъ“, въ Турціи какъ до конституціи, такъ и послѣ конституціи находился въ „привиллегированномъ“ положеніи.

Утверждая это, младотурки тѣмъ самымъ отрицаютъ или лучше сказать, оправдываютъ политику истребленія армянъ, которая практиковалась Абдулъ-Гамидомъ, вызывая часто чувство возмущенія со стороны общественнаго мнѣнія Европы.

Но такъ какъ политика по отношенію къ армянамъ при старомъ режимѣ являлась самой существенной его стороной, то вполнѣ логично заключить, независимо отъ фактовъ, которые ниже подкрѣпятъ это за-

сключенія, что младотурки признають свой внутреннюю связь новаго режима съ старымъ.

И въ этомъ своемъ первомъ публичномъ подведеніи политическихъ итоговъ, младотурки, помимо всего прочаго, обнаружили то, что является дѣйствительно правдой, но не турецкой „правдой“, а именно что политика истребленія армянъ цѣликомъ позаимствована Энверомъ и Талаатомъ у стараго режима и что нищіе духомъ, жестокіе авантюристы не способны были внести во внутренне-политическія отношенія Турціи ни новыхъ идей, ни болѣе или менѣе гуманныхъ началъ.

Въ этомъ отношеніи брошюра не менѣе интересна, чѣмъ заключающееся въ ней признаніе фактовъ злоупотребленій и насилій надъ армянами въ нынѣшнюю войну со стороны агентовъ турецкой военной и гражданской властей.

Но перейдемъ къ краткому изложенію тѣхъ мѣстъ въ брошюрѣ, которыя помогають составить представленіе какъ о первой, такъ и о второй сторонѣ армянскаго вопроса въ освѣщеніи турецкаго правительства.

Прежде чѣмъ приступить къ этому, я считаю нужнымъ оговориться, что, несмотря на то, что нѣкоторыя мѣста въ брошюрѣ могутъ вызвать вполнѣ естественное чувство отвращенія вслѣдствіе циничнаго глумленія надъ армянскимъ народомъ, я все же буду принужденъ иногда прибѣгать къ цитатамъ съ единственной цѣлью разоблачить истинный характеръ турецкой „правды“ объ армянахъ и установить правду фактовъ.

Второй пріютъ московскаго армянскаго комитета.

Свою правду младотурецкое правительство начинаетъ такъ: „Армяне все время были въ фаворѣ у императорскаго правительства, которое оказывало имъ благожелательное довѣріе, и поэтому большинство изъ нихъ занимали важные посты въ странѣ“.

А экономическое положеніе армянъ рисуется слѣдующимъ образомъ.

„Съ другой стороны, армянскій элементъ, которому непрестанно оказывалось совершенно особенное благожелательное покровительство со стороны императорскаго правительства, получилъ такія концессіи и привиллегіи, какія никогда не давались ни одной изъ другихъ народностей какого бы то ни было государства“.

Поистинѣ, счастливый „армянскій элементъ“! Но какъ извѣстно всѣмъ, армяне часто взывали къ совѣсти цивилизованныхъ народовъ, а иногда, передъ еще не застывшими трупами своихъ сонародниковъ, пытались вымолить себѣ покровительство у тѣхъ или иныхъ государствъ.

И оказывается, по мнѣнію младотурокъ, армяне это дѣлали потому, что не способны были „оцѣнить благъ правосудія и благосостоянія“.

Видите ли, армянамъ во что бы то ни стало хотѣлось произвола и нищеты.

Послушаемъ, что говорятъ младотурки, чтобы не быть голословными.

„Несмотря на это, армянскій элементъ, проживающій въ Имперіи, не только не сумѣлъ оцѣнить благъ правосудія и благосостоянія, которыми онъ пользовался, но, напротивъ (какъ это докажутъ нижеприведенные факты), не преминулъ использовать всѣ случаи, чтобы создать препятствія и затрудненія внутреннему и внѣшнему положенію Турціи“.

Ссылаясь на факты, младотурки возвращаются далеко назадъ, къ счастливымъ для „армянскаго элемента“ годамъ абдулъ-гамидовскаго режима.

Но все же младотурки заявляютъ, что они далеки были отъ злопамятности и мстительности, когда захватили въ свои руки власть.

„Однако императорское правительство послѣ возстановленія конституціи, далекое отъ чувства пристрастія, старалось дать всѣмъ оттоманскимъ подданнымъ возможность пользоваться всѣми благами политическихъ правъ, которыя возвѣщалъ новый режимъ,

и силилось совершенно особенно удовлетворить армянскій элементъ".

Но такъ какъ армянамъ и раньше, при старомъ режимѣ, не нравилось „правосудіе", то понятно, что „политическія права", возвѣщенныя „новымъ режимомъ" еще болѣе закрѣпили у армянъ старыя привычки: способствовать ослабленію и паденію имперіи".

Младотурки подтверждаютъ это ссылкою на адансскія событія.

Такъ,—говорятъ они,—на слѣдующій день по возстановленіи конституціи, въ то время, когда правительство билось во внутреннихъ затрудненіяхъ, которыя нашли свое выраженіе въ реакціонномъ движеніи 31 марта, армяне вѣрные своей программѣ, использовали немедленно это движеніе, чтобы вызвать въ тотъ же день революціонныя событія, которыя обагрили кровью Аданъ.

Итакъ, армяне вмѣсто того, чтобы бороться за укрѣпленіе новаго режима, новаго государственнаго строя въ Турціи, старались, по утвержденіямъ младотурокъ, использовать „реакціонное движеніе", направленное противъ конституціи.

И хотя армяне не измѣнили своего поведенія даже во время балканской войны, младотурки, по ихъ завѣреніямъ, не переставали печься объ интересахъ „армянскаго элемента", удѣляя ему „исключительное" вниманіе.

Это исключительное вниманіе выразилось въ стремленіи младотурокъ провести реформы въ восточныхъ провинціяхъ.

Но армяне старались создавать всякаго рода помѣхи „императорскому правительству" въ осуществленіи его благихъ намѣреній, вызвавъ въ концѣ концовъ вмѣшательство Европы во внутреннія дѣла Турціи.

И въ результатѣ „магометанское населеніе, которое отдавало себѣ ясный отчетъ въ томъ, что оно обязано проискамъ армянъ оскорбительнымъ иностраннымъ вмѣшательствомъ въ дѣло страны, не могло не почувствовать злобы, столь же естественной, сколь и глубокой, къ своимъ вѣроломнымъ и предательскимъ соотечественникамъ".

„Таково было положеніе вещей, когда вспыхнула общая война", заключаютъ авторы брошюры, устанавливая „чувства" магометанскаго населенія къ армянамъ накануне вмѣшательства Турціи въ войну.

Въ свое время мы установимъ, когда и какого рода „чувства" зародились у вѣроломныхъ и предательскихъ Энвера и Талаата и ихъ приспѣшниковъ, а пока что перейдемъ ко второй части брошюры, въ которой трактуется поведеніе армянъ послѣ вмѣшательства Турціи въ войну и объясняются „мѣры" турецкаго правительства, направленныя противъ армянъ.

Ссылаясь на декларацію государственныхъ людей державъ соглашенія и различнаго рода „документы", младотурецкое правительство здѣсь такъ же, как и въ первой части брошюры, силится доказать, что армяне стремились „на развалинахъ имперіи создать независимую Арменію".

Чтобы не останавливаться долго на [illegible] „документахъ", изобличающихъ армянъ въ ихъ [illegible] сепаратическихъ стремленіяхъ, укажемъ хотя бы на цитируемый манифестъ Русскаго Императора къ армянамъ, изданный „за мѣсяцъ до вступленія Турціи въ войну".

По словамъ авторовъ брошюры, „слѣдующія мѣста изъ этого манифеста особенно знаменательны":

„Армяне, пробилъ часъ вашего освобожденія отъ деспотизма и рабства, которые тяготѣютъ надъ вами 5 столѣтій и жертвами которыхъ [illegible] многіе изъ васъ.

Подъ скипетромъ Царя присоединитесь къ своимъ братьямъ по крови, чтобы пользоваться [illegible] благами свободы и правосудія".

Какъ извѣстно, этотъ апокрифическій манифестъ, воспроизведенный въ нѣкоторыхъ французскихъ газетахъ, былъ въ свое время оффиціально опровергнутъ русскимъ правительствомъ.

Но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что турецкое правительство имѣетъ серьезныя [illegible] съ „документами" въ рукахъ доказать, что „привилегированный армянскій элементъ" отплатилъ турецкимъ черной неблагодарностью.

Какъ бы то ни было, турецкое правительство, послѣ перечисленія отдѣльныхъ случаевъ насилія, беззаконія со стороны армянъ надъ мусульманскимъ населеніемъ, заявляетъ, что оно „воздерживалось отъ примѣненія какихъ бы то ни было репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ армянамъ до того дня, когда вспыхнуло ванское возстаніе въ серединѣ апрѣля 1915 г.

Итакъ, согласно утвержденію турецкаго правительства, только послѣ ванскаго возстанія имъ были приняты репрессивныя мѣры по отношенію къ армянскому народу.

Главной мѣрой явилось насильственное удаленіе армянскаго населенія цѣлыхъ городовъ и селъ, расположенныхъ въ военной зонѣ. Но впослѣдствіи эта мѣра была распространена на всю Арменію, чтобы поселить „армянскій элементъ" въ мѣстахъ болѣе „надежныхъ" и „внѣ сферы иностраннаго вмѣшательства".

Но если дѣйствительно „иностранное вмѣшательство", вслѣдствіе особеннаго стеченія обстоятельствъ не достигло пустынь Мессопотаміи, когда, по [illegible] Энвера и Талаата, тамъ предавались [illegible] тысячъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, то все же [illegible] нѣйшія злодѣянія XX вѣка уже стали достояніемъ цивилизованныхъ націй, приговора которыхъ не долго придется ждать...

Такъ какъ существуетъ мнѣніе, что эта „мѣра" была выработана турками сообща съ [illegible], то

въ опроверженіе этого мнѣнія турецкое правительство заявляетъ слѣдующее:

„Утвержденіе, будто эти мѣры были внушены Портѣ нѣкоторыми иностранными государствами, лишены по-крайнемо основаній.

Императорское правительство, твердо рѣшивъ сохранить свою абсолютную независимость, не могло допустить никакого вмѣшательства въ какой бы то ни было формѣ въ свои внутреннія дѣла, будь это даже со стороны его друзей или союзниковъ".

„Переселяя армянское населеніе въ мѣста „болѣе надежныя", турецкое правительство, по его словамъ, приняло мѣры къ охранѣ жизни и имущества перемѣщаемыхъ".

Но все же, впервые признается оно, „при примѣненіи этой мѣры армяне иногда становились жертвой прискорбныхъ злоупотребленій и насилій; но какъ бы прискорбны ни были эти факты, они были неизбѣжны вслѣдствіе возмущенія мусульманскаго населенія противъ армянъ, силившихся возстаніями и предательствомъ подвергнуть опасности существованіе той страны, населеніе которой они составляютъ".

Мы въ свое время установимъ когда и какимъ образомъ турецкое правительство начало разжигать искусственно возбужденныя у „мусульманскаго населенія" чувства противъ армянъ и какими средствами оно снабдило курдовъ и турокъ для полнаго обнаруженія ими своихъ „чувствъ".

А пока что отмѣтимъ, что турецкое правительство, признавая впервые „неизбѣжныя" злоупотребленія и насилія надъ армянами, совершенныя агентами военной и гражданской власти, приводитъ также въ первый разъ статистику тѣхъ лицъ, у которыхъ было замѣчено „неизбѣжное" чувство въ гипертрофической формѣ и которые вслѣдствіе этого осуждены судомъ или будутъ судимы.

Вотъ эта статистика въ краткой передачѣ.

53 человѣка преданы суду за злоупотребленія и насилія при примѣненіи „мѣръ" переселенія.

56 человѣкъ присуждены за то же самое къ различнымъ наказаніямъ, отъ 1 мѣсяца тюремнаго заключенія до 3 лѣтъ каторжныхъ работъ.

Всѣ перечисленныя лица являются агентами военной и гражданской власти.

Кромѣ этого, 46 офицеровъ и солдатъ должны предстать передъ военнымъ судомъ, и 34 человѣка, не являющіеся „оттоманскими чиновниками" осуждены за преступленія аналогичныя преступленіямъ, совершеннымъ „оттоманскими чиновниками".

И 4 человѣка преданы суду... за воровство.

Возможно, что этимъ ворамъ надоѣло безнаказанно красть среди бѣлаго дня и они для разнообразія отдались сами въ руки „императорскому правительству", облегчая ему тѣмъ самымъ задачу сказать открыто долго утаиваемую „правду" объ армянахъ.

Въ заключительныхъ строкахъ турецкое правительство еще разъ возвращается къ ванскому возстанію, принудившему его, якобы, принять репрессивныя мѣры, и въ связи съ этимъ замѣчаетъ, что мнѣніе, будто оно „слѣдуетъ специальной политикѣ, внушенной нынѣшними обстоятельствами, съ цѣлью уничтожить армянскій элементъ и будто бы оно подъ вліяніемъ фанатизма организовало движеніе противъ всѣхъ христіанъ въ имперіи, является полнѣйшимъ абсурдомъ".

Бѣдствія армянъ, молъ, есть результатъ увлеченія нарисованными передъ ихъ глазами перспективами независимой Арменіи.

И тронутые этими бѣдствіями „армянскаго элемента", Энверъ и Талаатъ какъ будто готовы всплакнуть, заявляя въ мягкомъ тонѣ:

„И именно ими, какъ мечтою достигнуть своего національнаго идеала, были брошены несчастные армяне въ эту гигантскую борьбу".

Сожалѣютъ о „несчастныхъ армянахъ"...

Никогда еще подлѣйшая турецкая тиранія не представлялась такъ ясно во всей своей отвратительной наготѣ, какъ теперь, когда Энверъ и Талаатъ лицемѣрятъ и глумятся надъ тѣмъ народомъ, большую часть котораго они утопили въ его собственной крови и слезахъ...

Н. Николаевъ.

Вузарестъ.

О судьбѣ турецкой Арменіи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Кавказскаго Слова" были напечатаны двѣ статьи о судьбѣ Турецкой Арменіи. Въ этихъ статьяхъ доказывалась мысль, что „автономія Турецкой Арменіи — уже покойникъ", что армянамъ слѣдуетъ рѣшительно отказаться отъ своего національно-политическаго идеала и что вопросъ о будущемъ устройствѣ Турецкой Арменіи силой измѣнившихся международныхъ условій сталъ внутреннимъ вопросомъ русскаго государства. Поэтому всякое вмѣшательство союзниковъ въ пользу армянъ, по мнѣнію авторовъ, можетъ только ухудшить положеніе армянъ. Какъ и слѣдовало ожидать, эти статьи вызвали крайнее недовольство въ армянскомъ обществѣ и печати.

Мы не знаемъ, съ какой цѣлью написаны эти статьи. Для насъ въ особенности непонятна злосчастная статья, подписанная господиномъ, скрывающимся подъ именемъ „Магистрентъ", — статья, обращающая на себя вниманіе не только своимъ содержаніемъ, но и своимъ вызывающимъ тономъ.

